

Ямада ворвался в додзё Кояма с убийственной яростью, и когда он увидел посредника, то первым делом одарил последнего свирепым взглядом: “Хмф, я сведу с тобой счеты позже”.

Лицо посредника побелело от этих слов, и, понимая, что он был не прав, он не осмелился посмотреть Ямаде в глаза и в отчаянии спрятался за спину Аканэ Кояма.

Ямада просто проигнорировал Чжан Хэна, стоявшего рядом, и сказал Аканэ Кояма: “Отлично, во вчерашней битве ты воспользовалась тем, что я был пьян, чтобы спровоцировать меня своими оскорбительными словами в адрес наших самураев клана Тёсю. Давай сегодня снова сразимся”.

Ямада, как всегда проницательный, высказался первым, охарактеризовав вчерашний инцидент как пьяное нападение и создав тем самым себе оправдание для собственного поражения. Однако, сказав это, он не сильно наврал, поскольку, если бы он не был так пьян прошлым вечером, он не был бы побежден Коямой, у которой в руке была только деревянная катана.

Возможно, потому что последняя выросла в додзё, ей было не чуждо происходящее. Она не стала больше вступать в словесные баталии с Ямадой, а сделала приглашающий жест, после чего они все вошли в главный зал додзё.

Дети, которые тренировались, уже давно опустили свои деревянные катаны и смотрели поверх голов, явно ощущая напряженную атмосферу.

Аканэ Кояма взяла со стойки две деревянные катаны, одну для себя, а другую бросила Ямаде.

Последний, однако, не протянул за ней руку, позволив деревянной катане упасть к его ногам.

“В этом нет необходимости, я принес свою катану”, - сказал Ямада, нетерпеливо коснувшись меча на поясе.

Как только он это сказал, дети в додзё зашумели. Для мастеров боевых искусств не было ничего необычного в спаррингах друг с другом, даже если они придерживались разных школ фехтования, всегда находилась возможность поучиться друг у друга, это как в научных кругах, где в споре рождается истина. Мастера меча должны набираться опыта в спаррингах с другими мастерами в дополнение к ежедневным тренировкам.

Однако, как правило, в спаррингах все пользуются деревянными катанами, чтобы отличить победу от поражения и не нарушать мир.

Если используется настоящее оружие, существует риск для жизни и здоровья, особенно если разница в уровне не слишком велика, одно неверное движение может привести к катастрофе.

Аканэ Кояма не ожидала, что Ямада будет говорить о бое на настоящих мечах. Она покачала

головой и сказала: “Я недостаточно тренировала свою Акаши-рю. Я все еще не достигла уровня моего покойного отца, так что я не уверена, что смогу драться с настоящим мечом, не причинив никому вреда”.

“Ничего страшного, у меча нет глаз, жизнь и смерть – это наша судьба, мы можем дать клятву, что независимо от исхода соревнования, мы не будем считать друг друга ответственными, а также можем списать предыдущий инцидент”, – угрюмо ответил Ямада.

Едва он закончил, как Такеути громко фыркнул от смеха: “На карту поставлена репутация самураев клана Тёсю! Когда это тебе дали право решать такие вопросы? Даже если ты говоришь, что все спишется, это еще не значит, что так оно и будет”.

Ямада потерял дар речи, хотя слова Такеути были неприятны, но они были и правдой, поскольку вчерашний инцидент поднялся до уровня оскорбления самураев клана Тёсю. То, что он заявил, что все будет списано, еще не означало, что так оно и будет. Хотя Ямада не считал, что Аканэ Кояма была ему соперником, даже несмотря на то, что прошлым вечером, когда они подрались, он был очень пьян, он хорошо представлял себе характер своего противника. Идея Ямады состояла в том, чтобы убить ее и покончить с этим делом одним махом, но он ничего не мог поделать, если Такеути настаивал на том, чтобы придирается к каждому его слову.

“Если ты настаиваешь на использовании своего настоящего меча, то я признаю поражение”, – прямо сказала Аканэ Кояма, совсем не задумываясь над этими вопросами.

Однако это вызвало у Ямады тревогу. То, что он пришел сюда сегодня для спарринга было ложью, на самом деле он пришел сюда для убийства. Единственный способ исправить ошибку, которую он совершил прошлым вечером, – это зарубить Кояму, иначе он станет преступником клана Тёсю. Хотя кодекс самурая* был не так жесток, как в эпоху воюющих провинций**, и уже никто, кроме безумцев из Шинсенгуми, не совершал сэппуку*** за такую провинность, но после такого позора ему было бы трудно оставаться во фракции, выступающей против сегуната.

Ямада оглядел зал, и его взгляд остановился на деревянном столе, на котором была разложена святыня Коямы додзё. Он выхватил меч и рассек стол пополам.

Выражение лица Аканэ Коямы, наконец, изменилось, ее брови сошлись вместе: “Ты перешел черту! Неужели ты думаешь, что в Кояма додзё некому постоять за себя?!”

Она подошла к единственной стойке, на которой лежали настоящие мечи, и сняла верхнюю катану.

Удовлетворенный результатом, Ямада увидел, что Аканэ Кояма, наконец-то, была спровоцирована на поединок, и большой камень упал с его сердца, когда он с усмешкой сказал: “Я изучу твое Кояма Акаши-рю сегодня”.

Но в следующий момент раздался голос: “Подожди”.

Все присутствующие оглянулись на звук и с удивлением увидели, что это был Чжан Хэн, который до этого молчал и ничем не выдавал своего присутствия. Ямада, например, не знал, что этот человек присутствовал при вчерашнем инциденте, и удивлялся, откуда вообще взялся этот парень, одетый как ронин.

Только лица Мацуо и Такахаси слегка изменились при виде последнего, как будто в них пробудились какие-то не очень приятные воспоминания, а Такеути и еще один самурай с интересом рассматривали странного ронина.

Чжан Хэн сумел снять удовлетворяющий его требованиям дом, и теперь ему было где переночевать в Киото, и он совсем не хотел, чтобы на следующий день его хозяйку разрубили на куски, поскольку не знал, кому будет принадлежать этот дом после. Он подошел к Аканэ Кояма и сказал тихим голосом: “Разве ты не видишь, что он намеренно пытается спровоцировать тебя, не попадайся в его ловушку. Ты ему не соперник”.

Аканэ Кояма молчала. Она выросла в додзё и всегда хорошо разбиралась в людях, и после вчерашнего боя она уже поняла, что умение владеть мечом Ямады превосходят её собственное, но его действия, несомненно, нарушили ее границы. Это додзё было не только наследием ее отца, но и хранило все ее детские воспоминания.

Она видела, как ее отец сделал это малоизвестное додзё знаменитым в Киото, в период расцвета это место было заполнено людьми, но после смерти ее отца Кояма додзё стало приходить в упадок, и многие учителя и ученики покинули его.

Аканэ Кояма, конечно, не была слепа к тому факту, что она не может поддерживать додзё своими силами, однако она не могла решиться закрыть его. Некоторое время назад она, наконец, приняла несколько детей из бедных семей, предлагая бесплатные уроки и обед, но затем расходы додзё также возросли, поэтому она сдала в аренду небольшой двор, чтобы облегчить растущее финансовое напряжение.

Сейчас, когда ситуация наконец-то изменилась к лучшему, Аканэ Кояма не хотела из-за Ямады возвращаться к началу. Она могла отказаться от всего остального имущества, но только не от додзё, которое оставил ей отец. Она хотела защитить его всеми силами.

Но сейчас, вероятно, самое слабое время для Кояма додзё. Все эти ученики, собравшиеся в зале, были еще детьми и присоединились к нему всего несколько месяцев назад и имели мало опыта в реальном бою, только она могла противостоять надвигающемуся кризису, и она должна была выдержать его.

Аканэ Кояма кивнула Чжан Хэну: “Спасибо. Я понимаю ситуацию”.

Чжан Хэн хотел сказать что-то еще, но в этот момент Аканэ Кояма уже посмотрела на Ямаду и

сказала: “Я готова. Пожалуйста, просвети меня”.

Примечание:

* - Кодекс самурая или бусидо (путь воина) - свод правил, рекомендаций и норм поведения истинного самурая в обществе, в бою и наедине с собой, воинская философия и мораль, уходящая корнями в глубокую древность;

** - Эпоха воюющих провинций или период Сэнгоку - период в японской истории со второй половины XV до начала XVII века;

*** - сеппуку - ритуальное самоубийство методом вспарывания живота, принятое среди самурайского сословия средневековой Японии; эта форма самоубийства совершалась либо по приговору, как наказание, либо добровольно (в тех случаях, когда была затронута честь самурая, в знак верности своему даймё и в иных подобных случаях), совершая сэппуку, самураи демонстрировали своё мужество перед лицом боли и смерти и чистоту своих помыслов перед богами и людьми.

Перевод: Флоренс

<http://tl.rulate.ru/book/35928/2379262>